СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Босая для СУРОВОГО

Екатерина Ромеро

Екатерина Ромеро

Босая для сурового

«Автор»

2022

Ромеро Е.

Босая для сурового / Е. Ромеро — «Автор», 2022

Всеволод Арбатов тот, кто никого не ценит в этой жизни, особенно бездомную зверушку, которой меня считает. Я попала в его жестокие лапы, он использует меня для своих целей, а я…буду стараться не умереть от любви в нему, сжигающей меня живьем.— Что-то ты не похожа на Вадика, кукла. Ряженая, оказывается ты. Так что, соплюха, признаваться будешь, кто навел или помочь?— Дяденька, ну правда! Никто не навел. Отпустите меня, ну пожалуйста.— Еще раз соврешь мне, получишь по заднице. Имя. Настоящее. Живо.Опускаю голову. Он больше меня раза в четыре, и сильнее в сотню раз как минимум. Голос тоже занижать уже не надо, поэтому отвечаю своим голосом.— Маша.#Властный герой#Девственница#От ненависти до любви

© Ромеро Е., 2022
© Автор, 2022

Екатерина Ромеро
Босая для сурового

Глава 1

От голода сводит желудок. Кажется, я не ела больше двух дней, и это в который раз уже за последний месяц. Эту затею мы с Пашкой продумывали больше недели, и сегодня я надеюсь, наконец, разжиться деньжатами.

– Давай, Марусь, не тупи!

Пашка – мой лучший друг, а точнее единственный. Той же крови, что и я, детдомовский. Беспризорные мы с ним, как щенки дворовые последние два года, но мне так даже нравится. Вот честно, после того как я сбежала из детдома, синяки хоть на теле немного посходили, а то всегда ходила битая преподшами-тираншами, да другими дикими детьми, отхватывая за любую провинность.

Я смотрю, как Пашка машет мне рукой, уже пробравшись в разбитое окно этого огромного коттеджа. Мы едва ли дошли до него. Дом находится далеко за городом, поэтому добрались мы уже к ночи, как и планировали. Я только куртку порвала себе, через забор перелезая.

Мы почти у цели. Быстро оглядываюсь по сторонам, вокруг очень темно, мы на это и рассчитывали. Натягиваю сильнее свою дурацкую кепку на голову, лицо прикрывая, и пячусь за Пашкой, с легкостью пролезая в окно. Я очень худая для своих семнадцати лет, но прыткая, поэтому не медлю так, как нерасторопный Пашка. Сразу же оказываюсь в здании на втором этаже. Мы в какую-то комнату попадаем и, кажется, это кабинет.

– Что дальше, Марусь? Куда идем?

– Это ты меня спрашиваешь?! Твоя вообще-то идея была залезть в дом к этому богачу, а я его даже не видела ни разу. Вдруг это маньяк какой или вообще, чего похуже? Подожди теперь, дай подумать.

Окидываю взглядом эти хоромы. Хоть и темно тут, все равно глаза разбегаются, сроду таких шикарных штор не видела, и диванов, и люстру такую…со стекляшками красивыми. Ха, мне кажется, я вообще такого не видела, да и плевать мне на всю эту мишуру, когда сосет под ложечкой. У меня вон, уже скоро живот к спине прилипнет от голодухи, или свалюсь прямо тут от истощения.

В глубокой тьме, освещаемой лишь слабым лунным светом, замечаю стол. Отлично. Стол никогда пустым не бывает.

– Пашка, давай за мной.

Мы подбираемся к большому деревянному столу, начиная потрошить его со всех сторон, но вдруг звук какой-то слышится с первого этажа, и мы оба замираем. Шиплю на Пашку, готовая голыми руками его задушить.

– Ты же говорил никого тут не будет!

– Да я откуда знал? Тихо было, когда мы пролазили, может вернулся он. Давай быстрее, и уматываем отсюда!

Открываем шкафчики, вываливаем оттуда разные бумажки. Я вот вообще в этом не разбираюсь, поэтому бесцеремонно выкидываю все, что продать нельзя.

Черт. Пусто тут, ни единой купюры. Шкурой неладное чую, да и слишком тихо стало кругом. Надо быстрее действовать. Где, где эти богачи хранят все ценное?! Неужто на себе носят, скотчем примотав?

Чувствую дрожь в коленях. Что-то волнуюсь я сильно. Где же вы, где…Сейф! Как же я раньше не додумалась!

– Паш, подсвети, я не вижу ничего.

Пашка на год младше меня, но точно не по росту. За последние пару лет он стал на две головы выше меня, хоть я и подобрала его сопливым низкоросликом. Он достает зажигалку из кармана и подсвечивает мне, пока я отчаянно ищу хоть что-то похожее на сейф.

Кажется, я перерыла все в этом кабинете, но так и не нашла ничего, что могла бы обменять на кусок хлеба с колбасой. Ну, или просто, на кусок хлеба. Я уже не помню, когда мясо ела последний раз, кажется, в прошлой жизни это было. Я уже почти не помню простую домашнюю жизнь, так как с четырех лет в детдоме выживала.

– Марусь, глянь-ка на это!

Вытираю нос рукой и поворачиваюсь к Пашке. Он стоит, как придурошный, и радуется, держа в руках какую-то шкатулку.

– Молодчина, давай сюда.

Беру эту шкатулку и открываю ее, застывая на месте как завороженная. Ни в жизни не видала такой красоты. Жемчуг, белоснежный и идеально ровный, блестит, бусы какие-то. Колье, явно драгоценное, с просто огромных размеров красным сверкающим камнем. А еще колечко – простое, золотое, на обручальное похоже.

Не удерживаюсь, и примеряю его на палец безымянный, но оно мне жутко большое, да и не носила я такого никогда, а вот продать подороже, самое то!

Я уже предчувствую, какой пир мы с Пашкой устроим уже завтра, когда дверь кабинета с грохотом открывается, и в ней амбал двухметровый появляется с битой в руке.

– Какого хрена?!

Вот и приехали. Попались на горячем, что называется. Черт!

***

Такого расклада я вот вообще не ожидала, поэтому всего лишь на секунду теряю преимущество, пряча награбленное и шкатулку подальше отбрасывая. Этот амбал огромный надвигается с огромной скоростью на нас, заставляя мое сердце колотиться в бешеном ритме.

Все случается настолько быстро, что я даже среагировать не успеваю. Пашка, проклятый гаденыш, берет и бросает меня одну, со страху тут же в окно сиганув, а я…когда за ним собираюсь, тут же оказываюсь поймана чей-то грубой рукой.

Меня хватают прямо за эту проклятую драную куртку, грубо на пол отбрасывая. Я успеваю лишь дыхание перевести, когда огромных размеров рука смыкается на моем предплечье, больно подрывая с пола, и волоча вглубь дома.

– А ну, пошел. Живо!

– Пустите! Мы вообще тут случайно.

– Разберемся сейчас. Давай, шевели копытами.

Пока меня бесцеремонно вниз по лестнице тащат, я стараюсь сильнее натянуть свою кепку на лицо, за которой волосы длинные спрятаны. На мне мешковатая одежда, брюки-клеш и уже рваная черная куртка, которую я в прошлый месяц одолжила у одного нерадивого продавца. Обуви только нет. Те старые обноски, которые я обувью зову, на улице пришлось оставить, так как они бы выдали меня в первую же минуту своим жутким скрипом. Так что ступаю по полу я босая. Уже все ноги себе отморозила.

Я уже проклинаю Пашку за эту ходку, потому что он целых два дня клялся мне, что ни души не будет в этом доме, а сейчас я разрыдаться готова, когда этот амбал заталкивает меня в гостиную на первый этаж, а там за столом сидят еще три огромных страшных мужика.

Из всех них взгляд лишь на одного падает. Самого страшного из них. У него на шее тату тигра с клыками острыми виднеется, а я сглатываю от ужаса и понимания, что попала я вот вообще не туда.

Когда эти головорезы на меня взгляд голодный поднимают, у меня чуть ли дар речи от этого зрелища не пропадает. И не смешно мне уже нисколечки, страшно до ужаса от одной только мысли, что они сделать тут со мной могут.

Хватка этого амбала на моей руке становится сильнее, и я уже почти ладони своей не чувствую. Занемела вся.

– Пустите, мне больно!

Как могу, пытаюсь вырваться из цепкого захвата этого мужика, но он держит меня чуть ли не на весу, а потом отпускает резко, от чего я кулем на пол плюхаюсь, ошарашенно подползая к стене. Кажется, я уже хочу, чтобы ментов поганых вызвали. Мне и то так спокойнее будет, чем один на один и этими вот…Волками дикими.

Кажется, что сердце мое сейчас выпрыгнет из груди, которая, кстати, у меня так и не доросла до второго размера. Ну, хоть что-то есть, учитывая то, как я питаюсь практически всю жизнь. Не сказать, что в детдоме был сбалансированный рацион, но хоть что-то.

Как на улице оказалась, голодать часто начала, но зато и не лупил больше никто. Не смели, я сдачи научилась давать, прямо по башке, а еще лучше – по яйцам. До сих пор диву даюсь, как вообще дожила до семнадцати, так как жизнью рисковать приходилось почти каждый день.

Я сглатываю, когда из-за стола медленно поднимается здоровенный мужик с диким просто взглядом. Тот самый, с тигром на шее. Ой, он намного выше Пашки, и шире его в плечах будет. Раза в три. И идет этот зверь прямо ко мне, недовольно лицо свое страшное кривя в оскале зверином.

Я же сильнее в стену вжимаюсь, лихорадочно ищу пути отступления, которых тут просто нет. Он все ближе, а я…начинаю паниковать не на шутку уже.

– Одного только выловил, Арбат. Второй в окно сразу сиганул. Обделался, видать. Напарника своего бросил. Нерадивого.

Я голову в пол опускаю, но все же успеваю одним мигом взглянуть в глаза этого Арбата. Страшные они у него, темно-зеленые, дикие. Кажется, он сейчас испепелит себя злым взглядом, видать это его дом, другие вон мужики, сидят и, кажется, уже бухают.

– Кто навел вас, крысята?

Его голос. Низкий и хорошо поставленный, словно командует он, каждый день. Снова быстро смотрю на него, всего секунда, но этого хватает, чтобы понять, что этот мужик взрослый. Намного старше меня, вон седина уже пробивается в темно-русых волосах. Осанка, как у военного, плечи широченные, ровный нос, губы строгие, брови изломанные широкие, а глаза… точно звериные.

– Никто.

Пищу ему, но стараюсь сделать голос грубее.

– Мы это, тут по ошибке. Мы не туда зашли просто. И вообще, вы права не имеете меня задерживать тут!

Выкрикиваю прямо этому Арбату в лицо, но получается лишь писк какой-то слабый. Я набралась таких фразочек в ментовке, но судя по громкому гоготу, последовавшему на мои слова, это не напугало никого из абмалов, а Арбата и вовсе рассмешило. Он на это только зубы белые показал, оскал, точно как у тигра. Блин, лучше бы я вообще молчала.

Сжимаю кулаки. Надо действовать, иначе вряд ли живой отсюда выберусь. Поправляю кепку, максимально голос понижая, сама обращаюсь к Арбату. Походу, он тут хозяин, судя по тому, как расслабленно ведет себя.

– Дядь, вы это, правда, отпустите меня. Ошиблись мы, ну…с кем не бывает.

Открываю губы в немом вопросе, когда мужчина смотрит на меня. Долго и в упор.

– Имя.

– Что?

– Как тебя зовут, щенок?

– Ээ, Вадик я.

– Вадик? Хм…Ну ладно. Скажи мне, Вадик, ты на хрена залез в мой дом? Ты знаешь, кто я?

– Так это…я ж говорю, мы с Пашкой ошиблись. Ну, случайно вышло, понимаете?

– Арбат, валить его надо, чего ты чешешь с ним еще?!

Амбал, который спалил нас на горячем все никак не унимается, за что тут же получает от меня полный презрения взгляд. Прибила бы, если бы могла.

Тигр с Лехой быстро взглядами перекидываются, а я…лишь непонимающе смотрю на них, но одно лишь улавливаю – мне точно несдобровать.

– Ладно. Леха, вывези этого крысеныша в лес. Давай назад только живо, нам еще отметить надо рождение сына Савки. Вон сидит уже, и так никакой.

Когда слышу слово лес, меня током прошибает, но никто даже не думает реагировать на это. Видать для них это вообще в порядке вещей. А я…жить еще хочу, рано мне!

Вскрикиваю, когда грубая рука этого амбала по имени Леха до хруста сжимает мое плечо, почти до перелома. Он бесцеремонно тащит меня на выход. Мне больно. Очень.

– Ай, больно! Пусти!

Я, как уж, пытаюсь вывернуться, хоть как-то убрать его руку огромную, но она просто стальная. В какой-то момент я так поворачиваюсь, что даже не замечаю, как с моей головы слетает кепка. Прямо на пол плюхается, и волосы мои больше нечем сдержать. Они длинные и тяжелые у меня, тут же выбиваются, и волнами темными на плечи спадают. Проклятье, ну чего мне так не везет…

Вокруг сразу все стихают, и на меня пялиться начинают словно звери дикие. Кажется, что сердце мое сейчас выпрыгнет из груди от страха. Я замираю, и сразу же ловлю голодный взгляд всех этих четырех мужиков на себе. Да, я девушка. И я очень, просто мега-хреново спалила себя.

Глава 2

За свою короткую жизнь я встревала в разные передряги, но никогда, ни разу в жизни не была еще в такой просто нереальной жопе. Было, когда меня ударить хотели там, ну или наброситься исподтишка с ножом, но это всегда были малолетние придурки, а не взрослые мужики, которые сейчас буквально взглядом пожирают мою тощую фигуру. Особенно этот, самый страшный главарь их со звериными глазами. Арбатов.

Делаю шаг назад, когда он наступает на меня, как тигр на овечку, криво усмехаясь. Оскал это дикий, никак не улыбка.

– Что-то ты не похожа на Вадика, кукла. Ряженая, оказывается ты. Так что, соплюха, признаваться будешь, кто навел или помочь?

– Дяденька, ну правда! Никто не навел. Отпустите меня, ну пожалуйста.

– Еще раз соврешь мне, получишь по заднице. Имя. Настоящее. Живо.

Опускаю голову. Нет смысла спорить с ним. Он больше меня раза в четыре, и сильнее в сотню раз как минимум. Голос тоже занижать уже не надо, поэтому отвечаю своим голосом. Тонким и чуть хриплым от недавней простуды.

– Маша.

Где-то за столом слышу свист и грубое улюлюканье, но в ответ лишь кулаки сжимаю. Я стараюсь придать голосу всю жалость мира, однако кажется, это вообще не действует на этого мужчину с тату тигра на шее. Нет в нем жалости и, кажется, он вообще не знает, что это такое.

С ужасом вижу, как еще один амбал поднимается со стола, и идет прямо к нам, отчего еще сильнее вжимаюсь в стену. Мне уже вообще не до смеха. Они убить меня могут тут, и это еще не самое худшее, что они способны сотворить со мной в этом доме.

– Ух ты, а вот и сладкое! Арбат, ты прямо удивляешь меня подарками сегодня! Иди к нам, цыпа. Можно сразу на колени.

Этот громадина лысый тянет свои ручищи огромные ко мне, а я вскрикиваю истошно, тут же отшатываясь от него. Кажется, я сдохну прямо сейчас от одного только понимания, что могут сделать со мной эти звери, явно хорошо подвыпившие. Сама не замечаю, как реветь начинаю. От страха. Никогда трусливой не была, а тут…испугалась я их. Не на шутку.

– Не надо! Пожалуйста…

– Стоп, Шамиль, хорош. Не видишь, малолетка она. Отвали.

Голос Тигра сталью отдает, разрезая воздух. Тот, кого он Шамилем назвал, подчиняется ему, но все также голодно смотрит на меня, как на кусок мяса.

Глаза свои поднимаю, и снова с зелеными омутами встречаюсь, смотря на мужчину снизу вверх. Сглатываю, когда вблизи снова это тату на его шее пульсирующей вижу. Оно пугает меня и завораживает одновременно.

– Сколько тебе лет, Маша?

– Ээ, четырнадцать.

– Сколько?!

– Это правда. Мне четырнадцать всего.

Смотрю прямо на него, ресницами своими хлопая. Задерживаю дыхание, хоть бы поверил, пожалуйста, хотя думаю, он бы мне и не дал больше. Я слишком уж худощавая, и ростом невысокая. Пусть так лучше думает чем то, что через два дня мне уже восемнадцать стукнет, и я навек забуду о детдоме и освобожусь от этих гребаных оков.

Арбатов сканирует меня взглядом еще несколько мучительных минут, словно правду пытаясь раскрыть, но потом все же ухмыляется, глядя на мои ноги. Босые. В его взгляде презрение читаю, а еще злость.

– Что ты успела стащить?

– Ничего, клянусь. Ваш амбал нас раньше…нашел.

Говорю это, и пальчики мысленно скрещиваю, чтоб он не просек про драгоценности, которые я уже в штаны спрятать успела.

– Снова врешь? Мне проверить?

– Нет, правда! Не вру.

– Где твоя обувь?

– Так я это…на улице. Разулась.

Мне кажется, что от стыда я провалюсь под землю прямо сейчас, но нет. Жуткое урчание в животе на всю комнату доводит до предела мое смущение перед этим огромным суровым мужчиной. Не знаю, чего так реагирую перед ним, он словно насквозь меня видит, своей энергетикой подавляет, заставляя подчиняться.

Он руку свою мощную поднимает резко, а у меня инстинкт срабатывает чертов. Закрываюсь от него, ожидая удара.

– Только не бейте!

Тигр проводит пальцами по своим волосам, пронизывая меня взглядом страшным, пристальным.

– Хм…Ты видишь, что я тебя бью?

– Нет. Пока вроде не бьете.

Все также к стене жмусь, я никому тут не доверяю.

– Голодная?

Этот вопрос застает врасплох. Даже не сразу понимаю, правильно ли я услышала. Не стану врать. Я такая голодная, что медведя бы съела сейчас, целиком. А запахи эти, доносящиеся от стола накрытого, дурманят и кружат мне голову.

– Да.

– Иди за стол.

Все бы ничего, вот только не нравится мне это предложение, с волками сидеть за одним столом. Не хочу так рисковать.

– Вы это…спасибо, конечно, мне пора уже. Там Пашка ждет, да и время позднее. Мне спать пора, я пойду…

– Я сказал, села за стол. Живо.

Его низкий бас эхом по комнате разноситься, заставляя подчиниться. Беспрекословно. Я сажусь на самый край стула последнего, в углу стола, и не знаю, куда себя деть. Это все настолько дико для меня, что от нервов больно впиваюсь ногтями в ладони холодные. Почему-то у меня стойкое ощущение, что мы попали в логово к зверю, который накормить меня хочет перед тем, как на куски разрезать и сожрать.

Арбатов садится напротив меня, и я не дышу рядом с ним. Мне кажется это опасным. Я всегда знала, что и как делать, как выпутаться из любой ситуации, но сейчас сижу, как овечка, в окружении этих взрослых и невероятно опасных волков, и боюсь даже пошевелиться.

Перед глазами картошка, мясо, рыба. Нарезки разные, сыры. Фрукты заморские и еще какая-то еда, названия которой я не знаю, но выглядит очень вкусно. Рот тут же наполняется слюной, я почти умираю от голода, но не смею даже двинуться в сторону тарелок. Хватит. Я и так сегодня попалась уже. Хуже просто некуда.

Словно читая все мои мысли, Всеволод берет тарелку, и сгружает туда разных вкусностей, от которых у меня еще больше урчать в животе начинает. Он ставит ее прямо перед моим носом, заставляя исподтишка закатить глаза от этих прекрасных запахов горячей еды. Я не помню, когда последний раз ела такое, да черт, наверное, никогда.

Дикаркой смотрю на него. Не знаю, чего ожидать от этого мужчины крупного. Как деревянная вся стала, боюсь пошевелиться. Вообще не похоже на меня. Все жду подвоха, глазами на всех этих четырех мужиков зыркаю. Все еще колотит меня. От страха.

– Ешь, бери, никто не тронет тебя.

Низкий басистый голос хрипотой приятной отдает. Он окутывает, заставляет меня слушаться. Его одного только.

Я беру эту тарелку на руки, на колени ставлю. Быстро по сторонам смотрю, и как только понимаю, что моя персона тут больше никому за милую душу не сдалась, начинаю уплетать за обе щеки. Господи, я настолько голодная, что сметаю почти все, что мне дали, стыдливо отворачиваясь от стола. В какой-то момент кусок мяса встает поперек горла, и я позорно давлюсь им, начиная громко кашлять. Проклятье!

– Никто не отберет, звереныш, не спеши.

Едкий смешок Тигра слышу за спиной, продолжая кашлять. Закрываю лицо руками от стыда. Сказала бы я ему в ответ…Да только думаю, хуже только сделаю. Молчу лишь. Что-то не хочется мне уже есть. Осторожно кладу тарелку полупустую обратно, намереваясь свалить отсюда, по-добру, по-здорову, но огромная лапа Арбатова ложится на мое плечо грузным камнем, заставляя сесть обратно.

– Далеко собралась?

Он смотрит на меня сверху вниз глазами своими дикими, а я…чувствую себя птичкой, попавшей в клетку.

– Так я это…поела уже. Мне домой надо.

– Сиди. Я решу, когда тебе домой пора.

После этого Арбатов ужинает еще добрых полчаса за столом, обсуждая с этими мужиками какие-то вообще непонятные мне вещи, а я сижу и жду сама не знаю чего, но сбегать снова даже не пытаюсь. Проклинаю только, нервное, уже в тысячный раз Пашку, который бросил меня на растерзание этим волкам. Предатель. Глаза ему выдеру, как только увижу.

– За мной ступай.

Всеволод поднимается и идет на выход, даже не окинув меня взглядом. Я догоняю его уже на улице ночной, босиком ступая по холодному асфальту. Он пальто черное набрасывает на себя на ходу, и теперь еще крупнее для меня кажется.

Огромный просто по сравнению с моей тощей фигурой.

Когда мужчина к черной тонированной машине подходит, по сторонам глазами быстро рыскаю. Что-то не хочется мне ехать с ним в одном авто. Да еще и таком, явно бандитском, по виду, которые только где-то в хрониках ментовских могут показывать. Он ведь и правда может завести меня в чащу какую непроглядную, да прикопать там под первой же сосной.

А я молодая еще, и не жила-то вовсе. Так, перебивалась только, пытаясь не окоченеть на улицах, да с голодухи не помереть.

Стремаюсь я, назад отступаю, пытаясь улизнуть от него, но куда там. Всеволод видит меня прекрасно, видать глазами своими зелеными и страшными сканировать ночью умеет.

– Чего застыла, как истукан? В машину, быстро.

– Я это…сама дойду. Дяденька, не поеду я с вами…в лес. И в ментовку тоже…не сдавайте, а?

Громко сглатываю, смотря прямо на него. Лицо сосредоточенное и серьезное, желваки вон ходят. Злится. Кажется, в эту минуту зверь как раз решает, под какой елкой меня закопать, и от этого мороз по коже проходится.

Грубые ноты в голосе Тигра заставляют судорожно втянуть холодный воздух.

– Значит так, мелочь. Если слушаться меня будешь, в лес не повезу. Ментам тоже не отдам. На этот раз. Села в машину, я сказал. Или ты босиком собралась в город ишачить пятнадцать километров?

Стою на распутье. Ноги уже окоченели от мартовского холода жуткого, а о том, чтобы босой к городу идти, так вообще, подумать страшно. Сглатываю, понимая, что он прав, медленно к дверце машины тянусь и открываю ее с трудом.

Забираюсь на переднее сиденье, мгновенно согреваясь там. Честно признаться, я еще ни разу в таких машинах не ездила, поэтому дикарем смотрю на салон. Красиво тут все. Кожей пахнет и сигаретами.

Арбатов садится за руль, и я снова невольно отмечаю, насколько он большой против меня. Мы разные, вот только я не понимаю, зачем вообще провожу эту параллель. Я никто ему, случайная воришка, пойманная на горячем за руку.

Мы едем молча по ночной улице. В какой-то момент мужчина закуривает, глубоко затягиваясь сигаретой, а я балдею, вдыхая густой запах седого дыма, сидя рядом. Я смотрю на его ладони крупные с венами и порослью темных волос, на пальцы сильные, длинные. Если кулак сожмет этими ладонями, он по размеру, как полголовы моей будет. Такой по стенке размажет, и дальше пойдет. Не сомневаюсь даже.

От мужчины приятно пахнет дымом и мускусом, и я невольно вдыхаю этот аромат парфюма. Кажется, дорогой он, хотя я в этом не разбираюсь. У самой-то сроду духов не было. Зачем мне эти брызгалки, когда ждать нечего. Не надобно.

Арбатов курит, продолжая вдаль смотреть, а меня что-то завораживает в этом. Сама не знаю, что. Я уже пробовала курить, однако денег никогда не было на свои сигареты, поэтому сейчас просто не могу упустить такой шанс. Наглость – мое второе имя.

– Дайте и мне.

Он поворачивается ко мне, поднимая одну бровь вверх.

– Чего тебе дать?

– Сигарету. Я тоже хочу.

– А по губам ты не хочешь? Сиди уже, соплюха, не нарывайся.

Сжимаю зубы от злости. Какая я ему соплюха?! Жалко ему одну сигарету что ли? Сукин сын. Язык в последний момент прикусываю, чтобы не послать его ко всем чертям, ведь как

раз мимо леса проезжаем. Передумает еще, не дай Бог, да прикопает у лесополосы, как и планировал изначально.

Арбатов докуривает сигарету, и в окно полуоткрытое ее бросает, а я в этот момент понимаю, что кажется, засмотрелась на него. Впервые в жизни. Не знаю чего. Просто понравился он мне. Сильно.

Мы едем долго, доезжая до самого города. В салоне уже дико жарко, поэтому я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не сбросить с себя куртку, и не остаться в одной только футболке. Но до последнего сижу, не рискую сбросить с себя последнюю свою защиту.

– Где живешь?

Этот вопрос застает меня врасплох, так как я сама не знаю по сути, где мой дом. Ночую, где придется, но обычно в конуре одной, заброшенной хате. Там не живет никто давно, но зато осталась кое-какая мебель. Крыша не течет, есть матрац старый, вода и окна большие. Не хоромы, конечно, но пока что мне хватало.

Молчу, не знаю, что сказать. Нет у меня дома нормального. Детдом назвать домом язык не поворачивается, а говорить этому амбалу, где я ночую обычно, стремаюсь. Вдруг найдет еще и придушит, поняв, что обворовала я его все-таки сегодня, и нехило. Украшения те, из кабинета его, так и гремят в моих карманах, и я молюсь только об одном – чтобы он этого не услышал, так как тогда точно не жить моей шкуре голодной.

– Мой дом…он там, за углом сразу.

– Я же сказал, не сметь врать мне!

Тигр поворачивается ко мне, и я вижу взгляд его раздраженный. Черт, ну зачем я опять соврала…Поздно уже.

– Так все, пошла на хрен отсюда. И чтоб я не видел тебя больше. Ясно?

– Ясно, более чем!

Я открываю дверь, и пулей вылетаю из машины этого гада, с особым смаком хлопая ей со всей дури. Единственное, что меня радует – это кожаный коричневый кошелек, полный крупных бумажных купюр, который я тоже удачно стащила у Арбатова еще в начале нашей с ним поездки. Пусть знает, как связываться со мной.

В эту ночь я довольная бегу со своим добром наворованным до халупы, даже не представляя, что увижу Арбатова снова совсем скоро.

Глава 3

Ворованных у этого зверя зеленоглазого денег мне хватает, чтобы неделю жить, как королева. Свое восемнадцатилетие я впервые в жизни встречаю с небольшим куском торта, который сама себе купила, не своровала.

За эти деньги краденые я сразу же накупаю себе кучу еды, вот только почти ничего не могу есть. Живот болит с непривычки, тошнит даже. Один только чай с конфетами могу пить, от всего остального сразу же плохо становится.

Украшения из дома Тигра я все же смогла вынести и то, каким-то чудом. Ведь он грозился обыскать меня, а я соврала, что не взяла ничего, когда на самом деле взяла, и прилично. Почти все успела схватить с той шкатулки дорогущей, пока тот амбал по имени Леха пытался Пашку выловить, а тот в окно со страху сиганул.

Я же времени зря не теряла. Колечко золотое и колье с огромным красным камнем себе припасла. Мне пригодится еще, а зверь себе еще купит, хотя похоже, что цацки эти женские были. Жены его, что ли, хотя у такого как он, не может быть жены нормальной, уж больно дикий, и страшный какой-то. Тату его это, с оскалом. Брр…

В первый же день после побега я прячу эти украшения под диван, в самую мою тайную заначку, о которой только Пашка только знает, больше ни одна душа. С таким багажом мне спать спокойней, ведь я знаю, что всегда продать это смогу, и не буду мучатся снова от голода.

На обычную работу мне не приходится рассчитывать. У меня нет документов, вообще никаких, поэтому даже на роль грузчика меня не возьмет никто. Да и пробовала я уже однажды. Два года назад, когда из детдома сбежала, и все мечтала, что работу найду, да заживу, как человек.

Хрен там. Посмеялись только с меня, обозвав тощей беспризорницей. Обиделась я тогда, до слез прямо, и воровать начала. По-черному прямо, без доли стыда. Некогда мне было стыдится, когда живот от голода болел. А я…жить просто хотела.

Я не привыкла деньгами распоряжаться, поэтому этот куш транжирю предельно быстро, и уже на вторую неделю снова оказываюсь с пустыми карманами. Голод, сволочь, тоже не заставляет себя ждать, а еще обувь. Я больше не могу перебиваться обычными шлепанцами. Мои ноги все время мерзнут, поэтому в кой-то веки я решаю честно купить себе нормальные кроссовки.

Я лезу за все той же заначкой под диван, шаря рукой по коробке с украшениями, но их там нет. Чуть ли весь диван лихорадочно не перерываю и все под ним, но с ужасом обнаруживаю, что там пусто. Нет совершенно ничего!

В голове тут же пульсирует кровь. Пашка. Это засранец сам меня обворовал, и совсем недавно, так как еще два дня назад коробка была на месте. Пашка, сукин сын! Больше некому. Только он знал об этом месте, и сейчас я готова задушить его голыми руками, вот только для начала мне найти его надо, а я его не видела с того самого дня, как кинул он меня. Паразит проклятый.

В этот день, кажется, воскресенье, я шатаюсь где-то у рынка, когда Пашку, наконец, издалека замечаю. Он стоит рядом с какими-то мужиками с черной бородой, и я чуть ли не сгораю от злости, когда вижу, как он пытается продать им мои украшения, честно своровавные у того богача с тату тигра на шее.

Я ускоряю шаг, и уже готовлю кулаки, чтобы смачно врезать Пашке по роже, но вдруг крик его слышу. Сдавленный и испуганный. Все случается так быстро, что я даже среагировать толком не успеваю. Один из стоящих рядом с Пашкой мужиков быстро вынимает блестящий нож из кармана, и ударяет им прямо в живот парня, отнимая у него пакетик с украшениями, и быстро скрываясь в толпе. Паша же орет и падает на пол, прижимая дрожащую руку к кровавому следу на куртке.

От шока я даже не знаю, что делать, лишь подбегаю к уже лежащему на земле Пашке, который руками обеими в живот впивается. С раны его кровь хлещет, пульсирует прямо, алым пятном расползаясь под курткой. В какой-то момент он кашлять начинает, захлебываясь собственной кровью, а я…стою лишь на месте, слезы горькие глотая, и не зная, как могу помочь ему.

– Пашка, дурачок! Господи, что ты натворил?! Зачем, зачем ты взял это, да еще и тут продать пытался? Ты же знаешь, это рынок, тут опасно…

– Прости, Марусь. Я слабым оказался.

Мимо нас проходят сотни людей, но никому нет дела до грязных бродяжек. Я до хрипоты ору и прошу помочь хоть кого-то, но все лишь дальше идут, не замечая нас. Одна только бабушка старая на минуту задерживается из чистого интереса, но когда видит Пашку, брезгливо отворачивается и идет дальше, по своим делам.

Светлые глаза Пашки медленно закрываются, и больше я никогда не увижу их живыми. Только через час сюда приедет полиция и скорая, вот только некого будет уже спасать. Погиб Пашка, так и не успев толком пожить. Все его мечты ушли вместе с ним, так и не став явью. Я даже проводить его не смогла, в толпе быстро затерялась, смахивая горькие слезы, так как не хотела в этот день еще и в ментовку загреметь.

Корю себя. Это я должна была быть на его месте, и это меня уже должно не существовать, ведь я украла эти цацки проклятые изначально я, а не он. Я отчаянно злюсь на этого паренька белокурого, однако все же прощаю ему все. Он просто был таким же, как и я. Голодным и ничейным. Просто выжить пытался, а я…все еще пытаюсь.

Через пару дней, когда у меня уже вообще ничего нет из еды, я подумываю над тем, чтобы с позором вернуться в детский дом, однако гоню эту мысль поганой метлой. Я знаю, что там делают с молодыми девушками моего возраста. Их продают мужикам за деньги, на одну или две ночи, но девочки уже после этого не возвращаются прежними. Они приходят в новой одежде, с дорогими подарками, косметикой и шоколадками в руках. Но глаза их пустые, потухшие. Они улыбаются сквозь слезы, а я…не хочу так. Не хочу и все тут.

Я прохожусь по рынку, присматривая, чего бы взять на сегодня, хоть яблоко какое, и то сгодится, как вдруг глазами нахожу Гарика. Этот неприятный тип лет пятидесяти заведует одним из крупных продуктовых магазинов, и сегодня он станет моей целью, и права на ошибку у меня просто нет.

Я прикладываю все свое мастерство, чтобы увести у него из-под носа просто шикарную палку колбасы, но в какой-то момент от голода у меня все плывет перед глазами. Я теряюсь всего на секунду, но этого оказывается достаточно, чтобы быть позорно пойманной Гариком за руку. Он, как клещ, вцепляется в меня, и кажется, еще немного, и просто напополам руку мою переломает.

– Попалась, сука малолетняя!

***

– Ай, больно! Пустите! Вы что себе позволяете? Отпустите меня!

– Карманы выворачивай, я все видел.

Гарик выдирает из рук мою сумку, и заставляет выложить все, что я успела наскрести сегодня. Там немного, всего-то пару яблок и овощей, но этого достаточно, чтобы еще больше взбесить его. Он больно хватает меня за шиворот и тащит из прилавка в свой вагончик, который находится сразу за ним.

Вокруг ходит толпа людей но, кажется, всем наплевать. Я отчаянно прошу о помощи, но прохожие так и проходят мимо. Вот и она, доброта людская, которой я еще не видела в своей жизни никогда. А нет, видела. Один раз, когда тот мужик страшный с тату тигра дал мне тарелку еды, и не попросил взамен у меня ничего.

Сейчас же этот чертов жирдяй чуть ли плечо мне не ломает, когда с силой в вагончик заталкивает, а я упираюсь, как могу, из последних сил уже. Мой разум тут же включает красный свет, когда я вижу, как сально Гарик облизывается, видя мою разорванную от его лап куртку и часть свисающей футболки, показывая черную лямку простого бюстгальтера.

Я сразу понимаю, что у него на уме, и от этого чуть ли не проваливаюсь в пустоту. От страха дикого, и обиды еще. На весь мир этот гребанный, злой и чужой.

Мое сердце чуть ли из груди не выпрыгивает, когда он закрывает дверь вагончика на ключ, и я понимаю, что не смогу от него убежать. Хоть он и старый жирный тип, но он мужик, и ему ничего не будет стоять повалить меня на землю.

– Отпустите, немедленно! Я заявлю на вас, сразу же! Мой отец в ментовке работает!

– Не неси пургу, ничейная ты! Бродяжка поганая. Возмещай ущерб за ворованное, краля, отпущу тогда. Может даже продуктов дам, каких хочешь. Давай, поработай ротиком.

Гарик опускает свою руку в область паха, а у меня тошнота к горлу подкатывает. От его слов и противного запаха меня всю передергивает. Ну и влипла же я.

Быстро оглядываюсь по сторонам в поисках иного выхода. На небольших окнах стоят решетки металлические, дверь тут только одна. Выхода нет.

От страха дышать становится трудно. Пальцы рук почему-то немеют.

– У меня нет денег, честно. – выпаливаю я, чувствуя, как сильно колотиться мое сердце. – Я все отдам, отпустите, а?

Я смотрю прямо на него в надежде, что моя жалкая тирада хоть как-то подействует на него и этот урод смягчиться, но выходит в точности наоборот.

Гарик звереет и хватает меня за шкирку, как какого-то беспризорного котенка. Он тянется своей зловонной рожей ко мне, и когда я из последних сил отталкиваю его, ударяет меня по лицу. Безжалостно и в упор.

От силы его удара у меня темнеет перед глазами, и буквально на секунду я проваливаюсь в темноту, но вскоре, к сожалению, прихожу в себя. Я лежу на полу на другом краю комнаты, больно ударившись плечом о спинку стула.

– Можешь орать сколько влезет, всем все равно насрать на тебя, паршивая воровка! А не будешь послушной, вообще не выйдешь живой отсюда.

– Урод. Ты урод гребаный!

Лучше бы я молчала, да куда там. Язык мой – враг мой, я давно это поняла. Гарик набрасывается на меня словно дикий зверь, с размаху ударяя ботинком по ребрам, заставляя услышать отчетливый хруст кости. Когда я уже практически отключаюсь, он начинает расстегивать пуговицы моей куртки, и вырывать их с мясом, когда у него это не получается. После этого он на себя переключается, кряхтит, и начинает расстегивать свой ремень.

В тот момент я впервые по-настоящему прощаюсь с жизнью. У меня болит все тело, я даже пошевелится не могу. Дышу лишь поверхностно, прижимая руки к боку. Мне больно. Кажется, он сломал мне что-то.

Когда с детдома два года назад сбегала, знала что будет нелегко, но уж точно не думала, что умру вот так, лежа на полу в каком-то грязном вагончике, истекая кровью. Так тебе и надо, Маруся, меньше воровать надо было. Говорила же преподша в детдоме, что толку с меня не будет, если за разум не возьмусь, видать, права была. Не стала я никем. Воровкой только. Ничейной при том.

Гарик продолжает сдирать с моего полумертвого тела куртку, пропуская мимо ушей мои слабые мычания, когда ручка его двери начинает поворачиваться. Ее кто-то сильно дергает пару раз, но когда она не поддается, дверь с грохотом сносят с петель, словно от сильного удара ногой. Замок, на который она была закрыта, отлетает куда-то в сторону, издавая звонкий звук металла.

Хоть меня сильно ударили по голове, и перед глазами все плывет, я вижу, как внутрь входят какие-то мужики. Кажется, двое. Через пелену слез я сразу узнаю их. Быть не может…Это же тот, Леха полоумный и…Черт! Только не они, только не он! Хозяин дома того, мною обворованного, Арбат. Он вальяжно внутрь входит собственной персоной, а я хочу провалиться под землю. Была одна беда, стало две. Зашибись просто.

Если Арбатов узнает меня, то живой я точно уже отсюда не выберусь. Он наверняка заметил пропажу своего кошелька, и тех побрякушек дорогих, которые я в его кабинете к рукам прибрала.

Из последних сил натягиваю сильнее капюшон на лицо и к полу прижимаюсь, чтобы эти волки не узнали меня. Я чувствую себя слабой и беззащитной, мне некому помочь. Я всегда сама за себя была, а теперь еще и без Пашки. Действительно жалкая бродяжка, которую можно ударить, можно избить и убить, наверное, тоже не составит труда.

Арбатов ближе подходит, и кажется, смотрит прямо на меня. Он все в том же пальто дорогущем черном и ботинках. В этот момент я впервые жалею о том, что все еще не умерла.

Глава 4

– Господин Арбатов, хм…какая неожиданность. Извините, я…не ждал вас сегодня.

Гарик быстро слезает с меня, поправляя свои грязные брюки и стирая мою кровь с костяшек толстых пальцев. Я же, как можно дальше к стене отползаю, едва ли сдерживая глухой кашель, рвущийся из груди. От боли. Видать, Гарик перестарался, и сломал мне все же оно или два ребра, подонок.

– Ты долг мне свой просрочил, на месяц целый, если помнишь. Часики тикают, а от тебя ни весточки нет, ни хрена, Гарик. Вот сам решил наведаться, лично проверить, как у тебя дела идут, и хорошо идут-то, насколько я вижу. Шлюхи вон дают, значит, бабло водится. Одного не пойму – ты такой тупой или самым умным себя считаешь, раз подумал, что кинуть меня можно?

В воздухе пауза напряженная повисает, и я впервые слышу нотки страха в голосе Гарика. Он боится. Арбатова.

– Господин Арбатов, мой бизнес, он плохо идет, есть сложно…

– Заткнись. Или ты отдаешь мне полную сумму долга сейчас, или уже сегодня станешь удобрением под елкой.

Гарик медлит, ему уже трудно скрывать свой страх. Он нервно перебирает пальцами свои сальные редкие волосы, пока его взгляд на меня не падает.

– У меня сейчас нет…нет денег, правда. Стойте! Не надо рукоприкладства! Подождите, у меня есть что-то куда лучше! Вот, посмотрите сюда. Возьмите эту девчонку, строптивая, словно девственница. А глаза какие – карие, блестящие. Куколка самая настоящая. Отмыть только надо. Заберите в честь долга. Она дороже стоит на рынке, уж поверьте. Да и продать сможете по

хорошей цене, если вам не понравится. Она ничейная, бродяжка дворовая.

От его слов у меня чуть ли сердце не останавливается. Гад проклятый, убила бы его прямо тут, если бы встать могла за такое. Как он посмел…предлагать меня словно товар на его прилавке. Сволочь. Сжимаю зубы от боли, с ужасом понимая, что еще немного, и я просто сдохну, не выдержит мой организм еще и такой пытки.

Гарик отступает в сторону, чтобы меня стало лучше видно, а я лишь сильнее натягиваю капюшон, все еще бессовестно на полу валяясь, обхватив себя руками. Моя голова начинает кружиться, как только пытаюсь подняться. Ребра болят при каждом вдохе. Приходится дышать медленно и поверхностно, ловля хрипы в груди.

Хоть я и не вижу лица тигра сейчас, я знаю, он сканирует меня взглядом, своими глазами страшными опаляет. Опускаю голову ниже, пытаюсь слиться с землей, но кажется, этот трюк больше не прокатит. С ужасом замечаю, как мужчина подходит прямо ко мне. Его черные ботинки все ближе, как бы я ни старалась отползти от него подальше.

Задерживаю дыхание, когда Арбатов садится на корточки прямо напротив меня, и руку к голове подносит, одним рывком сдирая мою последнюю защиту – черный капюшон. Тут же рык хриплый и пробирающий до костей его слышу. Он узнал меня. Сразу же.

– Ну, привет, крысеныш, давно не виделись.

Пищу что-то невнятное в ответ. У меня так сильно болит бок, что каждый звук с трудом дается. Губа разбитая жжет. На лице что-то липкое, явно кровь запеклась от удара. Гарик на славу постарался. Урод.

Я решаюсь посмотреть в глаза Арбату, однако тут же жалею об этом. Ничего кроме злости и презрения в этих зеленых омутах я там не нахожу. Он меня не важнее мошки уличной считает, и это отчетливо видно по его лицу. Такому…мужественному и суровому.

Мужчина грубо рукой по моей губе разбитой проводит, а я отталкиваюсь от него, шипя словно змея. Больно. Но он сильнее. В сотню раз. За грудки меня хватает и ближе наклоняется.

– Ты все-таки соврала мне тогда, мелочь вороватая. Зря я тебя отпустил, не обыскав твое тощее тело. На мордашку твою невинную повелся, а ты шлюха просто дворовая. Тебя здесь придушить или сама и так копыта отбросишь? Как вижу, ты уже недалеко от второго варианта.

– Я не воровала…

Ловлю раздраженный гортанный смех тигра. Он не верит ни единому моему слову.

– Я тебе уже говорил, чтоб врать мне не смела. Куда украшения с моего кабинета дела?!

– Не знаю… Забрали их. Из-за них Пашку…ножом пырнули, насмерть. Из-за цацок этих ваших проклятых…

Сглатываю, когда вижу как кулаки Арбатова сжимаются. До хруста. Черт, лучше бы я молчала. Этот зверь страшнее Гарика будет, в миллион раз. Гарик просто пешка рядом с ним, жалкая тень безвидная.

Взгляд Арбатова как у хищника дикого, и кажется, он убьет меня прямо тут. Одного его удара хватит, чтобы я навсегда уснула. Сном спокойным и мертвым. Закрываю руками голову, когда мужчина наклоняется ко мне. Боюсь его.

– Значит так, зверушка. Я говорю один раз, а ты слушаешь. Я забираю тебя сейчас. Отныне ты мне принадлежишь. Будешь отрабатывать долг Гарика полмиллиона, а после свой долг, еще восемьсот тысяч за ворованные вещи. Отпущу, когда расплатишься. Вздумаешь сбежать, найду и продам. Прямо по адресу. Ты вон и так я вижу, уже практикуешься.

– Чт…что?

Не понимаю, что он говорит. Как это, принадлежу ему…

– Леха, забирай нашего найденыша.

– Уже?

– Да, давай паковать, пока копыта не отбросила. И так вон, еле дышит уже, а ей еще долг мне отрабатывать.

Услышанное словно ледяной водой меня обливает. Какая еще собственность, какой долг?! Да я таких денег не то, что в глаза не видала, не снились они мне даже. Не могу поверить в это, этого быть просто не может. Уж лучше в тюрьму поганую меня пусть отправит, но не себе забирает. Нет…

Я и пикнуть не успеваю в ответ, как Арбатов поднимается, и не обращая внимания на мои мычания, выходит из вагончика, больше ни разу так и не взглянув в мою сторону. Вместо него ко мне подходит Леха этот двухметровый, который тогда еще застал меня в доме Тигра, и за руку больно хватает. Он и сейчас не церемониться со мной, подхватывая на руки с пола резко, словно мешок с картошкой берет.

– Иди сюда, малая.

Невольно вскрикиваю. У меня болит все тело, однако это все ерунда по сравнению с тем, чей собственностью я только что стала, и какого размера долг нажила. Впервые чувствую слезы на щеках. От страха.

В какой-то момент Леха уж очень сильно задевает мой бок рукой, от чего я резко вздрагиваю, и кажется, отключаюсь.

***

Я совсем не помню дороги, и прихожу в себя в какой-то темной конуре, где кажется, даже нет окна. Это похоже на подсобку с брошенной туда маленькой раскладушкой и матрасом. Я сижу прямо на ней, а точнее лежу, подобрав под себя ноги.

Как только встать пытаюсь, с ужасом обнаруживаю, что у меня жутко болит бок, а еще одна моя рука не шевелится. Я что…черт! Что, что это такое?! Меня наручниками к батарее приковали! Он это сделал, монстр с тату тигра на шее!

Отчаянно пытаюсь вырвать руку от железных оков, освободиться, но куда там. Хоть я и худая, этот зверь специально наручник потуже скрепил, и я выберусь из него, только если ладонь сама себе сломаю. Сукин сын!

Звонкий стук металлических наручников о батарею провоцирует у меня жуткий страх, но куда хуже мне становится тогда, когда я обнаруживаю, что лежу под одеялом почти голая!

Я в одних трусах и лифчике лежу, а ребра мои несчастные перемотаны чем-то. Бинты что ли какие-то. Тугие. Черт, что этот гад сделал со мной, где я?

Воздуха становится мало, особенно от этого маленького замкнутого пространства. Да, у меня есть страхи, несмотря на то, что много дней на улице провела. И замкнутая тесная конура без окон как раз один из них.

– Помогите! Сволочи…Кто-нибудь, выпустите меня отсюда. Эй, вы слышите, немедленно отпустите меня!

Тишина в ответ парализует и, .кажется, я сейчас умру прямо тут. Стены на мозги давить начинают, мне становится все хуже.

– Эй! Ну хоть кто-нибудь…Суки!

Кажется, еще немного, и я бы голос сорвала. Я орала изо всех сил, истошно колотя наручниками по батарее, и к счастью, спустя пару часов это подействовало. На меня обратили внимание, однако оно было совсем не таким, какого я ждала.

Затихаю, когда дверь резко отворяется, и я вижу в ней зверя огромного. Арбатов. Он стоит у порога, облокотившись о дверь спиной. На нем идеально выглаженный синий костюм с белой расстегнутой на две пуговицы рубашкой. Выглядит так, словно на парад собрался. Бизнесмен хренов, или бандит, мне уже все равно. Я убить его готова за то, что приволок меня сюда.

– Чего ты орешь, зверек?

– Сволочь, маньяк! Отпусти меня немедленно, не то пожалеешь! Ты не знаешь, с кем связался, мои родители найдут тебя, и засудят, и…

Я ору из последних сил, срывая голос и прикладывая руку к боку, который очень сильно болит, но даже среагировать не успеваю, когда всего за секунду этот хищник преодолевает расстояние между нами, вплотную оказываясь передо мной. Арбатов заставляет меня вжаться в стену спиной от страха. Я задерживаю дыхание, когда он резко обхватывает своей огромной ладонью мое лицо, и больно впивается сильными пальцами в щеки. Его глаза такие зеленые. Как у дикого зверя.

Этот мужчина взрослый и очень опасный. В его взгляде смерть только читаю. Я слишком близко, опасно и так…странно как-то. Запах его парфюма улавливаю, и не могу не признать, что он привлекает меня. Вдыхать его хочется, снова и снова.

– Во-первых, для тебя я Всеволод Генрихович, зверушка. Ко мне только на “вы” можешь обращаться. Во-вторых, нет у тебя никаких родителей, Мария. Ты из детдома сбежала два года назад. Отец неизвестен, мать погибла, когда тебе было четыре года. Ты сирота. Никому на хрен не нужная. Я ничего не упустил?

Я затихаю. Откуда он все это знает…

– Это вообще не ваше дело! Не смейте лезть в мою жизнь! Почему я голая и в бинте этом?! Вы что… трогали меня?

От одного только предположения слезы собираются в глазах, а тигр смеется, показывая свои белые зубы, а точнее оскал звериный, страшный. Он руку свою убирает от моего лица, а я все еще чувствую ее на коже. Огнем пылает вся.

– Да кому ты нужна, мышь дворовая. Ребра лишь сложил твои в кучу, пока ты в отключке лежала. Сейчас бы не такая боевая была. Выла бы от боли. Сломаны они у тебя.

Молчу. Про ребра как-то даже не переживаю сильно. Били меня по ним и раньше, заживало как на собаке. А вот от того, что Арбатов касался меня, пока я была без сознания, холод проходится по спине. Тот, арктический, или как там его называют…Самый суровый из всех.

– Значит так, воровка. С сегодняшнего дня мы заключаем с тобой договор, в котором ты обязуешься свой долг мне отрабатывать. Полностью.

Хватаю ртом воздух, руками сжимая одеяло. Мне страшно. Я не знаю, чего ожидать от этого мужика огромного, но даже не думаю показать ему, какого мне. Не дождется.

– Какой долг… Как отрабатывать? Да чего вы хотите от меня, спать с вами, да? Этого хотите?

Громкий раскатистый смех разливается по комнате. Арбатов смеется с моих слов, показывая белые зубы. После смотрит на меня, и снова смеется, словно я сказанула что-то невероятно смешное и нелепое. А мне совсем не до смеха. Вот ни на чуточку даже.

– На себя посмотри, от тебя как от помойки несет. И да, я не трахаю детей. Ты будешь на меня работать, зверек. Делать все, что скажу, беспрекословно. Свой долг отрабатывать. За каждую провинность долг будет расти, поэтому поосторожней с моими вещами. Спать будешь здесь, и чтоб без надобности я не видел тебя.

– Что? Нет, отпустите немедленно! Я не хочу в этой конуре сидеть!

Пытаюсь вырваться от наручников, но кожа уже слишком сильно щиплет. Вижу кровавые следы. Черт, кажется, я поранила сама себя.

– Можешь брыкаться сколько влезет. Тебе это ничем не поможет.

– Вы не можете…не можете так поступить со мной!

Слезы предательски подступают к глазам, я не играю. Это правда мои слезы. Натуральные. Искренние.

– Могу.

Его голос стальной и низкий. Всеволод не играет со мной, и мне страшно от этого. Совсем не до смеха от его интонации. Так только с уголовниками разговаривают, как он со мной. Как палач перед казнью.

– Слушай меня внимательно, крысеныш дворовой. Ты не в гостях и не дома. Я купил тебя у Гарика как товар на базаре, как вещь, поняла? Если я захочу, уже сегодня ты вернешься и ляжешь под него, раз так уж хочешь свободы. Я забрал тебя в качестве откупа за долг, так что отработаешь все, до копейки.

Вдобавок ты посмела обворовать меня, притом дважды, взяв особо ценные мне вещи, а долгов я не прощаю никому. Ты могла вернуть мне все это миллион раз, но не стала, за что тоже будешь расплачиваться. Завтра поедешь к врачам на осмотр. Не хочу принести в дом заразу вместе с тобой.

– Что…что?! Какие врачи, нет!

– Молчать. Как миленькая пройдешь терапевта, стоматолога, инфекциониста и гинеколога.

– Гинеколога?! Да вы сумасшедший! Ненормальный просто, сукин сын!

Вскрикиваю громко, когда резко получаю по губам от него. Огнем жжет. Больно. Чертовски больно. Я тут же затихаю, прикладывая руку к лицу. Тигр вовсе не шутит со мной. Он, правда, может сделать все, что ему угодно.

– Еще раз в моем присутствии матом будешь ругаться, рот вымою. С перцем. В моем доме ты должна вести себя прилично, а не как дворовая падаль, иначе отправишься в колонию, которая и так по тебе давно плачет. И поверь, девочка, я тебе такое дело насобираю, что ближайшие двадцать лет не выйдешь оттуда.

– Ненавижу…Ненавижу вас!

Шиплю тихо на него змеей, роняя слезы, и уже продумывая, как буду убивать Арбатова. Смачно и особо жестоко.

– Отпущу на волю, как только отработаешь долг. Полностью. И да, твое шмотье я сжег. От него воняло как от помойки. Это будешь носить, когда сама отмоешься.

Он бросает на матрац пару футболок огромных размеров и спортивные брюки. Явно со своего барского плеча.

Вытираю быстро нос и глаза от слез соленых, да что ж такое. Давно я так не расклеивалась. Да никогда, наверное. Вот только не хочу реветь перед зверем этим, ему все равно пле-

вать, что там бродяжка чувствует. Я лишь воровка для Арбатова, грязная оборванка. А он для меня… дьявол в человечьем обличии.

– Выходить за пределы дома запрещено. Кроме меня в нем также живет моя женщина, Лиза. Ее не трогать. Мои дети уже взрослые, они тоже иногда заходят. Для всех ты должна быть незаметной тенью. Меня слушаться беспрекословно, делать что скажу. И самое главное – он так смотрит на меня, что я аж назад отодвигаюсь – никакого больше воровства. Если я еще хоть раз такое дерьмо замечу, выпорю ремнем. Будет больно, обещаю.

Пытаюсь переварить сказанное тигром, однако это просто не помещается в моей голове. Лишь смотрю в глаза его зеленые, ресницами черными обрамленные. Лицо его суровое такое, и такое…Убила бы!

Замираю от страха, когда мужчина наклоняется ко мне, руку мою бедную осматривая, а после слышу щелчок, и наконец, могу растереть раненое запястье. Он расстегнул наручники, однако теперь моя спесь поубавилась, и я не рискую наброситься на того, кто может свернуть мне шею одним движением руки.

По его интонации военного, и удару по губам за мат я хорошо понимаю, что возиться со мной тут никто не собирается. Он холодный, суровый и жестокий зверь. Я кожей чувствую его мощь, этот мужчина очень опасен, и это не какой-то там Гарик с рынка. Всеволод силен и страшен. Он не пощадит меня, и играть со мной не станет.

Мужчина отстраняется от меня, и уже у двери я осмеливаюсь впервые окликнуть его, по имени.

– Всеволод…Генрихович! Сколько…сколько времени я буду отрабатывать вам этот долг проклятый?

Мужчина останавливается и смотрит на меня в упор, заставляя задержать дыхание.

– Год. После этого вернемся к этому разговору.

Я не успеваю крикнуть ему пару ласковых в ответ, как дверь с грохотом закрывается. Слышу щелчок ключа. Он закрыл меня тут, закрыл!

Всхлипываю. Этого я точно не ожидала. Ну, неделю там, ну месяц, но уж точно не год в лапах этого зверя. Не год!

Всеволод Генрихович Арбатов. Это имя клеймом у меня в мозгу выжигается. Я теперь его. Должница, собственность…а на деле просто вещь. Даже в страшном сне я не могла предположить, что воровство мое безобидное таким адом закончится для меня.

Обнимаю колени острые руками холодными, и опускаюсь на матрац, заливаясь горькими слезами ненависти к этому зверю проклятому. Зачем он кормил меня тогда? Лучше бы сразу взял и убил. Меньше мучилась бы теперь.

Глава 5

Я не знаю, сколько времени проходит но, кажется, уже ночь. В этой темной будке нет ни единого лучика света или часов, чтобы я хоть как-то ориентировалась, и это сводит меня с ума.

Кажется, я провожу здесь не меньше суток. Одно только успокаивает – мне не хочется в туалет, так как я давно ничего не ела и не пила, так бы даже не знаю, что бы делала. Тут не то, что туалета нет, даже какой-то альтернативы поганой не предвидится.

В эту ночь я не могу сомкнуть глаз. Эта конура, где меня поселил Арбатов, очень маленькая, а главное – в ней нет окна. Мне трудно встать из-за сильной боли в ребрах, так что я вынужденно пластом лежу на матрасе, чувствуя себя…побитой. Но даже не это печально. Хреново то, что мне все время кажется, что воздух в этой будке скоро закончится, и я тут просто копыта отброшу, так и не дотянув до утра.

Превозмогая жжение в груди, медленно поднимаюсь, и беру вещи тигра. Скрепя зубами, все же напяливаю их на себя. Все равно лучше, чем в одних только труселях и бинте широком

на груди шастать. Штаны и футболка оказываются просто огромными на меня, поэтому мне приходится их завернуть чуть ли не вдвое, чтобы они не сваливались с моей тощей фигуры.

Кажется, ненадолго я все же отключаюсь, так как из транса меня выводит скрип ключа, и звон открывающейся двери. Вскакиваю на этой жутко скрепящей раскладушке, совершенно забыв о том, где я нахожусь, и тут же кривлюсь от острой боли в боку.

– Кто здесь?

Подбираю одеяло выше, видя одну только тень огромную у двери. Тигр. Он пришел за мной, и от этого мороз проходится по спине.

– Жду тебя на улице через пять минут.

– Зач…

Мой ответ никого не интересует. Арбатов лишь хлопает дверью, и идет дальше по коридору. Я отчетливо слышу его тяжелые удаляющиеся шаги.

Поднимаюсь на кровати, шипя, и сразу же пальцами в бок впиваясь. Как же болит, кажется, даже больше чем вчера. Сволочь, Гарик! Он так сильно ударил меня ботинком, что я еще долго буду его вспоминать с острым желанием задавить этого мерзкого типа голыми руками.

Опускаю ноги босые на пол холодный. Носков мне никто так и не предложил, а я и не просила. И не буду. И так сойдет. Вон, всю зиму практически без них обходилась, одни только кроссовки были, и те…по дурости оставила. Не найти уже теперь их.

Держась за стену рукой, медленно выхожу из своей камеры, чисто примерно ориентируясь, где тут выход. Кажется, это тот самый дом, в который мы с Пашкой залезли тогда еще, только первый этаж. Ах, бедный Пашка, лучше бы меня прирезали, вот честное слово, и не пришлось бы теперь долг этот проклятый отрабатывать мужику этому страшному с тату тигра.

Спустя пару минут все же доползаю до улицы, и вижу черную машину моего тюремщика. Она заведена уже. Мужчина рядом стоит, облокотившись об нее спиной, и курит. Он глубоко затягивается, выпуская дым через нос, и что-то завораживающее я ловлю в этом, что-то такое близкое, но…Нет. Этот подонок просто своровал меня. Гад! Быстро голову опускаю. Зачем вообще пялюсь на него, он же вещью меня своей считает, вот зачем?! Дура потому-что.

– Садись.

Маюсь, но даже не думаю двигаться, пока не узнаю о его намерениях, и они точно не благие.

– Это…куда вы отвезете меня?

– В клинику.

– Зачем? Я это, не заразная. И вшей у меня нет. Честное слово.

– В последнем сильно сомневаюсь. Села в машину, живо.

Вроде и не очень обидное сказал, а мне больно. Нет у меня вшей никаких, и не было отроду. С чего он вообще это взял? Что, раз бродяжка, так сразу вши что-ли?!

Превозмогая боль, залезаю в автомобиль этот огромный на переднее сиденье. Тут же ловлю сильный запах кожаного салона и обхватываю себя руками. Мне и холодно, и как-то боязно, а еще необычно. Я не ездила в таких тачках дорогих. Я вообще не ездила в машинах, кроме того раза, когда тигр меня вечером до города подвозил, а я…его кошелек по-тихому подрезала.

Сейчас же я снова еду с ним наедине, смотря на руки мужчины. Сильные и крепкие. Ладони крупные, кисти волосами покрытые. Он руль ими обхватывает, смотрит на дорогу сосредоточенно, а я…на него взгляды бросаю. Мне чего-то хочется пялится на него, как полоумной. Я и есть, сумасшедшая, наверное, раз смею любоваться тем, кто вещью своей меня считает.

Арбатов не говорит больше ничего, а я и не спрашиваю. Слишком много чести. Для него.

Спустя полчаса мы доезжаем. Как только машина паркуется у какого-то огромного здания, и мой тюремщик выходит, я сижу, не смея двигаться. Я еще никогда не была у врачей, и знаю только понаслышке, что они либо убивают, либо боль несусветную причиняют. Ах да, еще ж на органы сдают. Больше ничего. И вот не хочется мне идти к ним, вот совсем не хочется.

Поворачиваю голову, когда напротив своей двери вижу Всеволода Генриховича. Он взглядом меня своим сверлит, суровым и страшным, показывая на часы. Когда я никак не реагирую, он резко сам двери открывает, недовольно пальто свое поправляя. А я… лишь дальше в салон пытаюсь залезть от страха, но куда там. Сильная лапа тигра не дает мне и с места сдвинутся, сразу же беря в свои тиски.

– Куда ты собралась, зверушка? Выходи давай.

– Я не хочу, пожалуйста! Сходите сами!

– Вышла, я сказал. Живо. Мы тебя к врачам привезли, не меня.

– Я не буду. Не буду!

Кажется, мои вопли слышали все во дворе этой клиники, а также в ее огромном холле. Я даже пикнуть не успеваю, как Всеволод Генрихович с молниеносной скоростью на руки меня подхватывает и несет прямо в здание, никак не реагируя на мои причитания и проклеены. Конечно, в его адрес.

– Пустите! Немедленно отпустите меня, аа, мама!

Я ору и вырываюсь из его захвата от страха дикого, однако одновременно с этим мне почему-то нравится оказаться в его крепких руках. Таких сильных, больших, могущественных. А еще от мужчины снова так приятно пахнет, что я невольно вдыхаю этот аромат, и чуть ли глаза не закатываю от удовольствия. Но даже оно быстро заканчивается, когда тигр заносит меня в какое-то помещение с жутким смрадом спирта, и на кушетку небрежно бросает, точно куклу пластмассовую.

Я быстро по сторонам оглядываюсь, обхватывая себя руками. Малейшее движение или глубокий вдох заставляют стонать от боли в груди. Да что ж такое?

– Сиди тут. Ни шагу, ясно?

– Нет, не ясно! Какого черта я тут делаю, вы можете мне пояснить?!

Конечно, никто даже не собирался мне отвечать. Этот гад просто разворачивается, и выходит, захлопывая за собой дверь, бросая, что называется одну среди минного поля.

Тут все белое и блестящее от чистоты. За стеклянные шкафами какие-то бутылки стоят, бинты, а еще шприцы. Господи, мне уже кажется, что меня тут просто на части разрежут. Отдельно голова будет, отдельно почки. Мне страшно. Я никому тут не доверяю, и Арбатову в особенности. Холод собачий в этой комнате заставляет съежиться. Боже, неужели это и есть операционная?

Спустя несколько минут Арбатов все же возвращается, притом не один. С ним женщина какая-то средних лет заходит. По ее белому халату и шапочке накрахмаленной понимаю – врачиха.

– Виктория, осмотрите эту… хм, особу. Полностью.

– Особу?! Какая я вам еще особа?

Вскрикиваю так громко, что бок тут же простреливает новая волна боли. Морщусь, даже кашлять начинаю. Гребаный Гарик. Гад.

– Молчать. Рот закрыла и сиди спокойно.

Его голос. Точно командирский, все приказы мне раздает. Ненавижу! Хмурюсь и отворачиваюсь. От тигра подальше.

Докторша взглядом меня сразу окидывает. Презрительным и цепким. Не нравится она мне. Точно органами торгует.

– Предыстория есть?

– Семнадцать лет. Побои недавно были, вполне возможно, что и проституция случалась. Бездомная.

– Что? Да я не проститутка никакая, и не бездомная! И не бил меня никто…сама я. Упала. И вообще, восемнадцать мне, уже неделю как стукнуло!

Отползаю назад на кушетке, когда докторша прямо ко мне подходит, пристально осматривая мою голову. Вскрикиваю, когда она какую-то хрень достает из кармана халата, и начинает мне светить ею в глаза, буквально, выжигая их.

– Аа! Че вы делаете, с ума сошли? Черт, да вы мне глаза выжжете так!

Отворачиваюсь, волосами прикрыться пытаюсь, но куда там. У этой докторши цепкая хватка, и она лишь продолжает свой осмотр.

– Ты не в полиции, девочка, можешь не лгать о побоях. Никто тебя не обвиняет ни в чем. Сейчас тебя беспокоит что-то?

– Нет. Да хватит светить уже на меня! А то ослепну скоро от фонаря вашего.

Бубню себе под нос, пока суровый взгляд Всеволода не ловлю. Черт.

– Господин Арбатов, пока можете выйти, чтобы нашу пациентку не смущать. Я сама разберусь. По врачам повожу. Все сделаем.

Врачиха говорит так, словно меня вообще тут нет. А я есть, вообще-то. Только не понимаю я ничегошеньки.Что сделаем-то? Что?

Арбатов коротко кивает и выходит, и если до этого в его присутствии мне было страшно и неловко, то когда он покидает палату, и я наедине с врачом остаюсь, становится еще хуже. В моем больном сознании тут же всплывают воспоминания интернатских детей о тех несчастных, которых на органы разбирают, и продают потом. Становится не по себе, и я затихаю. Затаиваюсь, ожидая любого удара. В спину там, ну или по голове.

Докторша снова подходит ко мне, благо, на этот раз без фонарика. Она голову мою зачем-то начинает осматривать пристально, руки, ноги, а затем и живот. Да чего она хочет?

– Не бойся, ляг спокойно. Дай просто осмотреть тебя. Я врач.

– Нет! Не трогайте меня. Я вам не зверушка для опытов!

Машу руками, не давая ей приблизится, и одновременно с этим стараясь утихомирить свое бешеное сердце.

Кажется, глаза этой врачихи уже на лоб чуть ли не лезут от моей строптивости, но ее терпение очень быстро заканчивается.

– Значит так, девочка. Или ты сама успокаиваешься, или я зову господина Арбатова, и дальше осмотр мы проводим в его присутствии.

Это действует на меня лучше всякого успокоительного. Мгновенно прямо срабатывает. Одна только мысль о том, что Всеволод Генрихович увидит меня без майки, заставляет сердце биться чаще. Ну уж нет. Нет!

– Умница. Сними футболку и ляг спокойно.

Делаю, что она говорит. Врачиха сводит брови и осматривает мой живот, после чего помогает снять эту чертову повязку с груди, и прощупывает чуть ли не каждое мое бедное ребро.

– Ай! Больно, хватит!

Она каким-то образом нащупывает самую болезненную точку на одном из моих ребер, вызывая этим просто адское ощущение боли у меня, от которого аж в глазах темнеет.

– Ногами били?

Опускаю голову. Почему-то мне стыдно за это. Очень.

– Да.

– Куда еще били?

– По голове один раз. Кулаком. Но вы не думайте, мне и в детдоме прилетало иногда. Нормально все со мной. Всегда как на собаке заживает, правда.

Черт, лучше бы молчала, так как чего-то мне не нравится реакция этой врачихи. Все в блокнот свой записывает, каждое слово мое сказанное, и это заставляет напрячься еще сильнее.

После этого осмотра заходит медсестра, и еще час водит меня по разного рода докторам, от которых у меня мороз по коже. Они смотрят на меня, как на мышь подопытную, а у зубного я вообще, кажется, провожу битых два часа в этом жутком кресле, пока он какие-то пломбы мне не трамбует в зубы. Ужас просто!

Но нет, самое пекло начинается у гинеколога, где я вообще впервые в жизни оказываюсь, и даже не представляю, насколько больно он "там" ковыряться будет. Оно только радует – гинекологом женщина молодая оказывается, и как мне кажется, действует осторожно.

– Сейчас осмотрю вас, лежите спокойно, ясно?

– Ага. Ой, вы че делаете, руки уберите! Уберите!

– Вы что, первый раз у гинеколога? Это не больно совсем. Не бойтесь.

Господи. Такого унижения и кошмара я уж точно еще не проходила. Докторша осматривает меня ТАМ в перчатках своих белых, прямо между ног, а я сгораю от стыда.

– Девственница что ли?

– Чего?

– Опыт интимный был?

– Нет. Не было. Ну хватит уже, отпустите!

– Хорошо. Все, можете одеваться.

Это просто выше моих сил. С облегчением вздыхаю, когда наконец-то она отпускает меня, царапая свое заключение.

– Мария, как давно у вас начались менструации?

Этот ее вопрос меня в ступор ставит. Нашла что спрашивать.

– Мм…их нет.

Брови докторши быстро ползут вверх.

– Ну…то есть, вроде были, а потом пропали. Короче, хватит мучить меня. Сейчас их нет. Давно уже.

– Ладно-ладно. Не переживайте так сильно. Так бывает. Вы как вообще питаетесь?

– Нормально питаюсь. Чем придется, обычно. Но стараюсь не голодать больше двух дней.

Пытаюсь улыбнуться ей, но выходит слабо. Корю себя. Снова не то. Не такой ответ она услышать хотела, а я…не знаю, что сказать и как правильно.

– Ясно. Хорошо, можете идти.

Выхожу из этого пыточной, и уже думаю, что кошмар закончился, но не тут- то было. Адский ад приходит, когда мне кровь начинают брать из руки. Это просто невыносимо. Я такого вообще ни в жизни не видела, и от этого сумасшествия раза три чуть ли сознание не теряю прямо на стуле.

До чего же больно, кожу жжет невыносимо! Едва ли выдерживаю эту пытку и кажется, меня держат еще две медсестры, пока наконец, всю кровь мою не выпивают. Результатов этих анализов жду еще битый час, маясь в коридоре. Кровопийцы проклятые.

Самым безобидным оказывается УЗИ живота, однако я пугаюсь этого аппарата долбаного, поэтому едва ли выдерживаю процедуру. Последнее, что мне делают – хрень под названием рентген, после чего я получаю снимок своих ребер и заключение врача*: "Закрытый перелом третьего ребра справа, трещина четвертого ребра справа".*

Сжимаю зубы. Понятно теперь, чего так болит. Ну да ладно, я и раньше получала не меньше. Отлеживалась как-то сама. И теперь пройдет.

Отдаю все эти бумажки докторше Виктории, она сканирует их, а после выписывает мне целую простыню каких-то назначений.

– Что это? Я что, больная?

– Ничего серьезного, но твой организм истощен, девочка, на пределе уже, можно сказать. Тебе диету надо соблюдать, перестать есть, что попало. Отлежаться несколько дней обязательно. Значит так, я выписываю тебе витамины, кальций, минералы. Будешь пить каждый день. Каждый, поняла меня?

– Ага. Как уж тут не понять-то. Вот только, наверняка, это целое состояние стоит, а у меня нет денег на все это. Так что можете себе оставить этот листочек, или кому-то другому подарить. Мне не надо.

– Мария, выйди за дверь.

Ни с кем не спутаю этот стальной голос. Арбатов. И как давно он стоит за моей спиной? Оборачиваюсь, и тут же на шаг назад от него отскакиваю. Он слишком высокий и большой. Пугающий. Его энергетика не дает мне нормально дышать.

– Я не уйду. При мне говорите.

– Я сказал ждать за дверью. И без глупостей. Охрана у входа стоит.

До последнего упираюсь, пока Арбатов за руку больно меня не хватает, и буквально не выволакивает за дверь. Я же только и успеваю, что обхватить зубами его ладонь, но все равно оказываюсь бесцеремонно выставленной в коридор. Гад. Конечно, мне не равняться силами с ним. Он просто огромен, зол и невероятно силен.

Приходится ждать Всеволода Генриховича еще добрых десять минут. Он выходит словно с маской на лице. На его самодовольном строгом фейсе не написано ничего, не прочитать вообще ни одной эмоции. Одно только замечаю – он держит в руке заключение врачихи, снимки моих ребер, а также целую простыню ее назначений. Тех самых, которые мне выписывали.

– Ну что, убедились, что я не заразная?

– Я бы так не сказал.

– В смысле? Что там такое?

Сердце пропускает пару ударов.

– Надо еще кое-что было проверить.

– Что?

– Анализ на бешенство сдать, зверек. Ты укусила меня. Еще раз посмеешь наброситься, сломаю челюсть.

Показывает свою ладонь огромную, а на ней виднеются кровавые следы от моих зубов. Становится стыдно от своего поведения, но в то же время я не жалею. Он сам напросился! Но про челюсть все-таки запоминаю. Я знаю, Арбатов не шутит. Он на все способен. Губа вон, до сих пор болит от его удара.

Всеволод Генрихович быстро ступает вперед по коридору, и я едва успеваю следовать за ним. Выходим на улицу. Молча иду в машину. По пути Арбатов заезжает в какую-то аптеку, а потом везет меня в тюрьму, по совместительству являющуюся его домом.

В этот же день начинается первый день заключения, моего отрабатывания долга, и я не знаю, чего ожидать от того, кто вещью меня своей считает. А самое главное – я даже не представляю, как именно буду ему отрабатывать этот долг проклятый, вот только чует мое сердце – на этот раз не отделаться мне легким испугом.

Глава 6

Домой едем молча. Я все еще потираю руку, обколотую этими жуткими иголками. Ненавижу его. Это все Арбатов. Он закомандовал, и меня полдня в этой клинике мучили. Что еще он для меня придумает, даже думать страшно.

Когда в его доме оказываемся, Всеволод Генрихович меня прямо до камеры моей доводит, и одним махом сваливает все эти назначенные для меня пилюли прямо на матрац.

– С этим сама разберешься. До вечера чтоб ужин был приготовлен. И душ прими, воняешь как помойка.

Сжимаю кулаки. Как же мне хочется самой накормить его этими пилюлями, а потом утопить в этом же душе. Молчу, волком смотрю на мужчину. Едва сдерживаюсь, чтобы не отправить его к черту. Честно, из последних сил.

– На. Ребра туго надо заматывать. Будет что-то критичное, Лехе набирай. Телефон на столе в гостиной есть. И чтоб без фокусов, зверек, а то долг твой неизмеримым станет.

Арбатов бросает мне бинт какой-то широкий, и я ловлю его прямо на лету. Ненавижу его. Со всей дури замахиваюсь в него этим бинтом, но попадаю только в закрытую дверь. Сволочь! Гад проклятый!

Когда выползаю в коридор, тигра уже и след простыл. Он уехал, оставив меня одну в этой тюрьме с видом королевских хором.

Прислушиваюсь к звукам. Кажется, я одна в доме, нет тут больше ни души. Кое-как доползаю на второй этаж, и с третьей попытки все-таки нахожу душ. В одной из комнат есть, и кажется, это комната для гостей, только не про мою душу это. Меня тигр вон в какой конуре поселил на первом этаже, без окна даже. Куда там, не в гостях ведь я, сам сказал.

На полке в ванной нахожу целое море каких-то пахучих пузырьков, и на себя выливаю добрую треть из них. Как же пахнет приятно, сладкой вишней. Полной грудью вдыхаю этот запах, он нравиться мне, но честно говоря, аромат духов Арбатова мне нравится больше. Сильно больше.

Эта штука, которую я втираю в свою кожу, оказывается очень мыльной, поэтому пену с тела я смываю еще добрых пятнадцать минут. Особенно трудно оказывается вымыть волосы, так как они густые у меня и тяжелые. С детства такие, но я привыкла. Все прятала их только, притворяясь мальчишкой. Так безопаснее, правильнее. Никто на парня не наброситься лишний раз, никто не будет приставать. Это спасало меня во многих ситуациях, вот только не спасло от Арбатова.

Приняв горячий душ, в кой-то веки чувствую себя чистой, и мне нравится это ощущение. Очень.

Вытираюсь полотенцем, и в зеркало смотрю на себя. Черт, еще хуже стало за последнее время. Кости вон торчат уже, ребра худые выпирают, а что самое паршивое – синяки. На правом боку два огромных синих развода. Сука. Гарик на славу постарался, когда метелил меня ногами.

Кручу бинт этот проклятый в руке минут пять, но так и отбрасываю его в сторону, не замотав на груди. Незачем он мне. Так заживет. Само. Как обычно.

Надеваю чистые штаны и футболку моего тюремщика, сразу же утопая в них, но в тоже время прислушиваюсь к их запаху. Такой же, как у него. Сильный, дурманящий, кедровый. Мне нравится этот аромат, он будоражит меня, а Всеволод Генрихович пугает. До невозможности просто.

Не понимаю я, чего он за долг этот так взъелся. Да у него денег этих вагон, видно же. Дом этот огромный, псы цепные в охране, машины дорогущие. Чего так за цацки какие-то печется, неужто жены его. Хотя… я не видела что-то кольца на его руке, но женщина, насколько я понимаю, тут живет. Да, точно, он же говорил. Хорошо устроился. Гад.

Громкое урчание в животе выдает мой двухдневный голод. Я есть хочу, очень сильно, аж жжет уже все внутри. Спускаюсь на первый этаж и блуждаю по огромному холлу, пока все-таки не нахожу кухню. Опасливо оглядываюсь, но убедившись, что никто тут за мной не следит, начинаю рыться в шкафчиках, ища хоть что-то съестное. Мне уже все равно что, хоть кусок хлеба, и то сойдет, я вообще не переборчива.

Но дома у Арбатова оказывается целый склад вкусностей. Печенье, шоколадки, зефир, и даже мармелад есть. Много мармелада. Я ела его всего один раз в жизни, своровав у одной

нерадивой продавщицы, но эта штука оказалась такой вкусной, что я решила: мармелад и есть мое самое любимое блюдо из всех. Лучше просто быть не может.

Отлично. Щедро загребаю все это добро себе за пазуху. Особенно мармелад. Его я весь забираю, все пять коробочек, и несу этот клад прямо в чулан. Достаю свои припасы, съедаю одну шоколадку и коробку мармелада, чуть ли не мурча от удовольствия. Все остальное бережливо прячу под матрац. Не знаю, чего так делаю, привычка просто. Я всегда все прячу под матрац, если добываю чего-то поесть. Сегодня я сытая, а завтра будет новый день. Есть мне-то надо тут что-то, не с голоду ж помирать.

Прислушиваюсь к звукам. В доме все еще тихо, поэтому я наглею, и снова иду на кухню. Не одним же сладким мне питаться. Если я думала, что у Арбатова дома много только сладостей, то я сильно ошибалась, ведь когда открываю холодильник, просто прихожу в восторг. Он доверху забит едой, самой разной! Я вообще такого никогда не видела, только на витринах магазинов. Кажется, тут целый гастроном собрали, и у меня уже слюнки просто текут.

Набираю себе мяса и овощей побольше из холодильника, сыр, колбасу, хлеб и еще кучу всего. Тащу все это добро на стол, особо не церемонясь с сервировкой. Я голодная, и честно, мне наплевать на всякие там причуды богатых. Беру себе тарелку и вилку. Этого хватит.

Нахожу чайник и завариваю себе чай. Целых две чашки сразу. И воду беру, и сок еще. И булочки какие-то нахожу, кетчуп, мандарины. Вот это да. Сроду так не наедалась, и кажется, меня уже тошнить начинает. Черт, наверное, хватит. Только вдоволь наевшись, наконец, чувствую такое желанное облегчение.

– Это что здесь за свинарник?!

Какой-то писклявый голос заставляет меня подскочить на месте и сморщится от боли в груди. Судя по интонации, вот и хозяйка объявилась. Поднимаю глаза, и вижу прямо перед собой женщину. Холеную, высокую и раскрашенную, как елка новогодняя, блондинку. С длинными ногами, как у лани и большой грудью. Вот значит, каких Арбатов любит. Почему-то я и не надеялась на другое.

– Ты кто такая, что здесь устроила?

Быстро прожевываю кусок колбасы, который чуть ли поперек горла мне стает от вида этой дамочки, готовой разорвать меня тут на части. Ее лицо. Это просто надо видеть. Да ее аж перекосило всю от злости. Бедная, хоть бы нервный тик не случился.

Ее вопрос застает меня врасплох. А и правда, на каких правах я тут? Не скажу же, что вещь бесправная.

– Я это…работаю на Всеволода Генриховича. Помогать по дому буду, поручения там его всякие выполнять. А вы, собственно, кто сама такая?

– Кто я? Девочка, для тебя я Елизавета Викторовна. Хозяйка этого дома. Если ты служанка, какого черта тогда сидишь тут, и жрешь нашу еду?

Она так громко орет, что у меня чуть ли уши не закладывает. Спокойно беру стакан оранжевого сока, и выпиваю его до дна, видя, как с каждым моим глотком желчь этой мадам только повышается. Вот и добегалась я. Весело же тут жить мне придется, ничего не скажешь.

– Я уберу все, не орите так, а то уши отсохнут скоро от вашего писка.

– Да как ты говоришь со мной? Немедленно все убрала, грязная шваль! И не смей больше ничего из еды тут брать. Не твое это, а хозяйское. Господи, как Всеволод позволил тебе работать у нас? Какой кошмар. Я сейчас же позвоню ему и скажу, что ты тут устроила!

Она презрительно смотрит на меня, словно я не важнее червя дождевого, а мне…почему-то больно становится. Нет, на шваль я не обиделась. Чего уж тут. Сотню раз это слышала. Тут другое.

Мне всегда было наплевать на то, как я выгляжу, но теперь что-то изменилось. Уж сильно большая разница у нас с Викторовной этой во внешности. Ну нет у меня таких цацок и тряпок, и груди такой большой. Чего уж теперь, помереть что ли…

Эта мадам белобрысая сваливает, стуча высокими каблуками по плитке, а я быстро сгребаю свою поляну, и в мусорку отправляю. Что не съела, обратно в холодильник заталкиваю. Поела, называется. Лучше бы не трогала тут ничего. Меньше бы уши болели теперь.

Уже в свою конуру собираюсь, но вспоминаю, что Арбатов что-то про ужин мне говорил, и это заставляет меня остаться. Честно говоря, я вообще не умею готовить, только чай и мивину, поэтому сейчас действую чисто интуитивно.

Следующий час пытаюсь какой-то замороженный кусок мяса пожарить на сковороде, однако он чего-то не хочет жарится, а лишь дымится начинает, а еще плохо пахнуть. Я его вилкой помешиваю да водой поливаю, но становиться только хуже. Мои усилия заканчиваются тем, что я больно обжигаю палец, из-за чего добрых пару минут ору на всю кухню, не зная, что делать.

В конце-концов выключаю плиту и ставлю эту проклятую сковородку на стол, так и не решившись готовить что-нибудь еще. Хватит, наготовилась уже. Палец и так вон, горит огнем. Обожгла его до волдырей. Проклятье.

Дую на свой палец, сжимая зубы от боли. Да пусть Арбатов сам себя кормит, или вон, баба его полоумная готовит ему весь день, а у меня палец болит, и ребра тоже! Последние уже так сильно ноют, что в три погибели согнувшись, едва ли доползаю до ближайшего дивана. Не буду я спать больше в той темной конуре. Не буду, и все тут. Мне еще хуже в ней, дышать там нечем.

Я не замечаю даже, как уже через минуту засыпаю на этом огромном бархатном и невероятно мягком диване в гостиной, поджав под себя ноги и повернувшись носом к его спинке. Он такой удобный, что я чуть ли не мурчу от удовольствия, практически сразу проваливаясь в сон беспокойный от боли в боку. Прихожу в себя лишь от низкого голоса, который гремит прямо над моим ухом. И голос этот стальной хозяину дома принадлежит. С тигром на шее.

– Ты охренела?

С трудом разлепляю веки. Резь в боку стала намного сильнее, и теперь мне приходится глубоко дышать, чтобы не сойти с ума от этой боли. Зря я не пила таблеток, там же было что-то от боли, врачиха ж говорила. А теперь лишь мучится приходится.

Поднимаю глаза. Арбатов стоит прямо надо мной, недовольно сканируя меня взглядом своих диких зеленых глаз. На нем рубашка черная, с закатанными рукавами и расстегнутой грудниной, и такого же цвета джинсы. Я могла бы посчитать его привлекательным и жутко мужественным, если бы так отчаянно не мечтала снести ему голову за то, что приволок меня в тюрьму эту проклятую, по совместительству его домом являющуюся.

– Че вам надо?

– Шоколада. Почему ты тут лежишь?

Поднимаюсь, держась за бок. Господи, ну когда эта боль чертовая уже пройдет?

– Мне не нравится сидеть в той конуре темной, куда вы поселили меня. Мне плохо там.

Арбатов лишь вдох делает, сложив крепкие жилистые руки на мощной груди с золотой цепочкой и крестом сверкающим на ней.

– Ты ужин приготовила?

– Да. На столе.

– То, что я нашел на кухне, ужином не считается. Кстати, горячей сковородкой ты пропалила столешницу нахрен, поэтому к твоему долгу плюсуется еще сто пятьдесят тысяч за деревянный стол.

Сжимаю кулаки. Мало того Арбатов не оценил моего кулинарного таланта и стараний, так еще и долг решит выращивать! Ну уж нет, не бывать такому. Взрываюсь, вскакивая с дивана, превозмогая боль. Кто он такой вообще? Почему я должна слушаться его?!

– Хватит! Не должна я вам ничего! Пусть вон, ваша дылда блондинистая готовит. А я не буду! И вообще, хватит меня тут держать, я не ваша рабыня!

Прямо в лицо ору ему, а Всеволод стоит, не шелохнется даже. Он отвечает спокойно, даже как-то слишком. И у меня от его интонации мороз проходится по коже. Тот самый, арктический.

– Ты должна мне возмещение долга, зверек. Так или иначе ты отработаешь его.

– А не пойти бы вам к черту!

– Хочешь к черту? Идем!

Вскрикиваю, когда грубая рука Арбатова меня за шкирку хватает, и тащит обратно в чулан как котенка дворового. От его силы у меня аж дух спирает, хоть он и не делает мне больно. Все равно страшно. До жути просто.

– Пустите!

Пытаюсь ударить его, но куда там. Мужчина намного выше и сильнее меня, поэтому я не то, что ударить, замахнуться на него даже не могу. Одной своей огромной лапой он с легкостью удерживает обе мои руки, не давая и шанса на спасение. Да и дергаться уж больно сильно я не могу со своими сломанными ребрами. Каждое движение приносит просто адскую боль.

– Ты кажется, забыла, девочка, кого слушаться должна? Или на нары захотела? Так я быстро организую, скажи только. Сгниешь там, если за голову уже сейчас не возьмешься. Начинай уже вести себя как человек, а не как подзаборный щенок. Посиди тут, подумай над своим поведением.

Я слушаю все это, и на глаза слезы наворачиваются. Вот значит, кем этот мужчина считает меня. Подзаборным щенком. Почему-то это ранит меня, задевает прямо. Сглатываю ком этот болючий, быстро слезы смахивая. Уж лучше бы ударил. Он не заслуживает того, чтобы видеть как мне больно.

Тигр с легкостью меня в чулан бросает, и дверь закрывает на ключ, а я вдруг начинаю жестко паниковать. Я не переношу такие пространства. Закрытые и темные. Мне плохо тут становится очень, и страшно до ужаса, неужели он не понял? Меня в детстве так воспитательницы детдома пугали, частенько закрывая одну в темной комнате и стуча по дверям.

Они так наказывали меня за непослушание, думали что исправлюсь, однако ни к чему, кроме жуткой озлобленности на весь мир от такого метода я не получила. Я тогда мелкой совсем была, ревела лишь от страха, кусая кулаки. Вот откуда я боюсь теперь таких вот комнат. Маленьких, закрытых и темных.

– Выпустите! Выпустите меня отсюда! Хорошо, я не буду так больше. Я буду слушаться вас, но не закрывайте снова только, пожалуйста! Всеволод Генрихович! Ну, пожалуйста…

Колочу отчаянно кулаками по двери закрытой, а после падаю прямо под нее, хватая ртом воздух. Мне страшно, а еще жутко больно в боку. Так хреново мне еще никогда не было, и причина всего этого – чудовище по имени Всеволод Генрихович Арбатов.

В темноте судорожно ищу этот бинт проклятий, которым надо было ребра перемотать, но кажется, я выбросила его в коридор, а теперь выйти не могу. Тигр закрыл меня здесь. В гробу этом проклятом и темном. Он проучить меня хотел, вот только перестарался маленько. Сдохну я тут до утра. От боли или от нехватки воздуха задохнусь. Вот ему будет веселье. Ненавижу!

Я не знаю, сколько проходит времени, но боль в ребрах уже кажется просто невыносимой, и я плакать от нее начинаю. Впервые в голос рыдаю. Не знаю, что со мной. Даже в детдоме так не раскисала, когда меньше еще была, и также побитой лежала никому ненужная. А тут, наверное, от простой безысходности разревелась и гребаной, невыносимой жалости к себе.

От острой боли не могу больше подняться на ноги. Только всхлипывать начинаю, так и лежа под дверью. Хватаю ртом воздух, как рыба, которого как мне кажется, уже тут нет совсем. Еще несколько минут, и наконец, я отключаюсь, увидев, что дверь эта проклятая все же открывается в последний момент.

Глава 7

В тот вечер у Шамиля сын рождается, первенец, мать его, и мы хорошо его поздравляем, пока на втором этаже не слышим какое-то шуршание. Я сразу же ствол достаю, однако Леха решает проверить для начала, уж больно громкие звуки доносятся сверху. Наемники так не работают, скорее крысята завелись, что и подтверждается уже спустя минуту.

Этот оборванец, щенок беспризорный, которого я замечаю в руках Лехи, трясется как лист осиновый. Худощавый и мелкий, совершенно дикий, он пытается храбрится, однако боится даже в глаза мне прямо посмотреть. Я понимаю, что это чудо ряженое еще до того, как с него кепка сваливается, показывая копну длинных темных волос.

Я не блефую, когда про лес говорю, однако это разоблачение даже лучше самого леса срабатывает. Чудо пугается и само скидывает свой маскарад, под которым девчонка малолетняя оказывается. Со взглядом сверкающим, до смерти зашуганная, дикая и дерзкая не по годам.

Ее глазенки темные по пять копеек становятся, когда мужики со стола на нее внимание обращают. Как стая волков на молодую овечку смотрят. Жадно и голодно. Особенно Шамиль, мать его, пугает ее, видимо, до смерти, от чего воровка аж дрожать начинает, и я вижу, что еще немного, и она просто разреветься тут на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.